

Секция «Социология»

Теория революции Джеффа Гудвина

Карасёв Дмитрий Юрьевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: DK89@mail.ru

Актуальность теории революции, уделяющей внимание вопросам культуры и идеологии, роли идентичности, связям и лидерству, обусловлена тем, что структурные объяснения на основе государства, классов и международной среды были поставлены под сомнение не классовыми по своему характеру исламской и сандинистской революциями 1979 г., революцией на Филиппинах 1968 г. и событиями Красного мая того же года во Франции, сапатистским Чьяпасом сегодня. Теория революции Дж. Гудвина выступает примером синтетической перспективы изучения революций и коллективного действия, которая объединяет не только культуру и социальную структуру, но так же социальную психологию и агентность.

Частичный отказ Дж. Гудвина от структурного подхода на основе государства приводит его к сетевому анализу. Социолог продолжает рассматривать государство в качестве ключевой социально-структурной переменной революции, однако теперь государство предстает в качестве узла, позиции, подсети в сети. Для создания собственной модели исторического объяснения Дж. Гудвин дополняет реляционную модель «структурного конструктивизма» [2] рядом положений теории структуризации Э. Гидденса, неофункционализма Дж. Александера и «неопрагматистской» концепцией агентности М. Эмирбаера и А. Мише. В результате его собственная модель исторического объяснения предстает сетевой моделью социального действия, напоминающей концепцию «креативного действия» Х. Йоаса.

Дж. Гудвин выделяет три рода аналитически автономных измерений или контекстов социального действия: социально-структурный, культурный и социально-психологический. Эти реляционные контексты частично пересекаются и накладываются друг на друга и в то же время остаются аналитически автономными. Соответствующие контексты никогда полностью не детерминируют социальное действие, более того сами они создаются, воспроизводятся и изменяются в ходе него, что отражено в понятии «агентность». Единицами анализа выступают связи и транзакции, а не «сущности», такие как «индивид», «государство», «ценности» и т.п. «Агенты» социального действия: индивидуальные или коллективные акторы, культурные смыслы, социально-экономические ценности, идентичности, либидинальные проявления, все то, что рассматривается как узлы сетей, получают свои форму и содержание в ходе социального действия, не обладая ими вне и помимо него. Это антиэссенциалистское свойство сетевого анализа Дж. Гудвин называет «антикатегорическим императивом» [2].

Узлы социально-структурного аналитически автономного контекста носят позиционный характер, узлы культурного контекста – символический, а социально-психологического – либидинальный характер. Каждый из контекстов одновременно ограничивает и дает возможности историческим акторам. Синтез контекстов становится возможным благодаря тому, что осуществляется на основе реляционного сетевого анализа, т.е. единицами

выступают связи любого рода: символические, родственные, структурные, либидинальные и т.д. Применительно к синтезу структурной и культурной перспектив основной задачей становится избежание того, что М. Арчер называет ошибкой «центрального объединения» культуры и социальной структуры. Примером подобной ошибки в сетевых исследованиях выступает позиция позднего Х. Уайта, который в «Идентичности и контроле» утверждает, что «социальные сети» представляют собой не просто методологический конструкт, а феноменологическую реальность: «Истории (stories) описывают связи в сетях... А социальная сеть – это сеть смыслов» [4]. Очевидно, что Х. Уайт попадает в ловушку эссенциализма, только не материального, а идеального толка.

Все более популярные в последнее время культурные объяснения революций та-ят, по мнению Дж. Гудвина, немало «подводных камней»: во-первых, они могут быть детерминистскими, как «структурные» объяснения, против которых они зачастую направлены; акторы в этом случае выступают «культурными марионетками», отыгрывающими сценарий, написанный для них. Вторая и обратная сложность проистекает из неверной интерпретации культурных объяснений как агентных по сути. Культура в подобных объяснениях отождествляется с волюнтаристским действием, поскольку недооценивается ее сдерживающий (контрреволюционный) потенциал. Применительно к социально-психологическому контексту Дж. Гудвин использует перспективу «либидинальной экономики» и заимствует концепцию либидинального устройства группы З. Фрейда. На примере восстания Хуков (Хукбалахап) на Филиппинах, Дж. Гудвин демонстрирует, каким образом либидинальное устройство (структура связей) движения подорвало коллективную идентичность и дисциплину, создав условия для эмоционального или «либидинального выхода» его участников [3].

В итоге созданная Дж. Гудвином синтетическая конструктивистско-сетевая концепция в силу своей сложности оказывается почти бесполезной для историко-сравнительного метода исследования революций. Поэтому в своем компаративистском исследовании революций и революционных движений «короткого двадцатого века» «No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945-1991» (2001 г.) – социолог остается верен подходу на основе государства. Исследование отличают предмет и метод: во-первых, анализируются «периферийные революции» и революционные движения как успешные, так и потерпевшие неудачу. И, во-вторых, осуществляется непрерывный анализ случаев эпохи Холодной войны, с учетом центральной роли последней (как это обозначает Дж. Гудвин: «исследование путешествует не по векам, а по континентам»). Исследуемые исторические примеры разделены по трем различным геополитическим регионам пространства Холодной войны: Юго-Восточная Азия после Второй мировой до середины 50-ых (Вьетнам, Индонезия, Филиппины и Малайзия), Центральная Америка 70-80-е гг. (Сальвадор, Никарагуа, Гватемала и Гондурас) и Восточная Европа 1989 г. (Румыния, Польша/Венгрия и Чехословакия/ГДР). Применительно к концептуализации предмета осуществляется различение «радикальных» и «революционных» движений, «государства» и «политического режима». Бюрократические, патримониальные и исключаящие режимы со слабой инфраструктурной властью могут способствовать росту революционных движений. Однако вероятность быть свергнутыми несравнимо выше именно у патримониальных режимов, поскольку последние институционально блокируют реализацию инициатив, которые могли бы стать альтернативой участию в революционном движении.

Интересным и наиболее спорным выступает вывод Дж. Гудвина о низкой по ряду причин вероятности успешных революций в ближайшие десятилетия. Отдельного внимания заслуживает концепция «революционного терроризма» [1] Дж. Гудвина.

Литература

1. Goodwin J. A Theory of Categorical Terrorism // *Social Forces*, 2006. Vol.84. № 4. PP. 2027-2046.
2. Goodwin J., Emirbayer M. Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency // *American Journal of Sociology*, 1994. Vol. 99. № 6. PP. 1411-1454.
3. Goodwin J. The Libidinal Constitution of a High-Risk Social Movement: Affectual Ties and Solidarity in the Huk Rebellion, 1946 to 1954 // *American Sociological Review*, 1997. Vol. 62. № 1. PP. 53-69.
4. White H. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. N.J.: Princeton University Press, 1992. PP. 65-67.